

СТАРИННЫЕ ЯПОНСКИЕ ПОВЕСТИ

*ПОВЕСТЬ О ПРЕКРАСНОЙ ОТИКУБО
ПОВЕСТЬ О СТАРИКЕ ТАКЭТОРИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Неизвестный автор

**Повесть о прекрасной Отикубо.
Повесть о старике Такэтори**

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

Х в.

УДК 821.521-3
ББК 84(5Япо)-44

Неизвестный автор

Повесть о прекрасной Отикубо. Повесть о старике Такэтори
/ Неизвестный автор — «ФТМ», «Издательство АСТ», X
в. — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-154129-3

«Повесть о прекрасной Отикубо». Прекрасная и кроткая сирота Отикубо, страдающая от издевательств жестокой мачехи, покоряет сердце молодого высокородного дворянина, но их путь к счастью будет долог и тернист...

«Повесть о старике Такэтори». Знатные женихи борются за руку таинственной красавицы Кагуя-химэ, рожденной в стволе бамбука, и выполняют ее сложные, фантастические задания... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.521-3
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-154129-3

© Неизвестный автор, X в.
© ФТМ, X в.
© Издательство АСТ, X в.

Содержание

Повесть о прекрасной Отикубо	6
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Неизвестный автор

Повесть о прекрасной Отикубо.

Повесть о старике Такэтори

© Перевод. В. Маркова, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Зрелость, стилистическая изысканность и отточенное совершенство японской литературы эпохи Хэйан настолько опережают свое время, что кажется, будто она неким чудом явилась из ниоткуда. Однако в действительности под блеском хэйанской прозы заложен мощный фундамент традиционного японского фольклора, и первые литературные шедевры Японии еще носят отчетливую связь со своими народными «предками».

Повесть о прекрасной Отикубо

Часть первая

Не в наши дни, а давно-давно жил один тюнагон по имени Минамóто-но Тадаёри и было у него много красивых дочерей. Двух старших достойным образом выдали замуж и поселили в роскошных покоях родительского дворца – одну в западном павильоне, а другую в восточном. Двух младших окружили самыми нежными заботами, готовясь в скором времени торжественно отпраздновать обряд их совершеннолетия, когда на девушку впервые надевают длинное мо.

Была у тюнагона и еще одна дочь. В былые дни он иногда навещал ее мать, происходившую из обедневшей ветви императорского рода, но возлюбленная его рано ушла из этого мира.

У законной супруги тюнагона Китанокáты – «Госпожи из северных покоев»¹ – было жестокое сердце. Она невзлюбила свою падчерицу, обращалась с ней хуже, чем с последней служанкой, и поселила ее поодаль от главных покоев дворца, в маленьком домике у самых ворот. Звали этот домик просто «отикубó» – «каморкой», потому что пол у него был почти вровень с землей.

Само собой разумеется, падчерицу не позволяли величать, как других дочерей, ни высококородной госпожой, ни каким-нибудь другим почтительным прозвищем. Хотела было Госпожа из северных покоев дать ей такое имя, какое годится только для служанки, но побоялась, что мужу это не понравится, и приказала: «Живет она в отикубо – каморке, пусть и зовут ее «Отикубó»². Так это имя за ней и осталось.

Сам тюнагон тоже не выказывал особой отеческой нежности к этой своей дочери. С самых ее младенческих лет он был к ней равнодушен, и потому она попала безраздельно во власть мачехи и нередко чувствовала себя одинокой и незащищенной.

На всем свете не было у нее ни родных, ни близких, ни даже кормилицы, никого, кто мог бы послужить ей опорой в жизни, кроме одной молоденькой служанки³. Служанка эта, бойкого ума девица по прозванию Усиромí, ходила за ней еще при жизни ее матери. Обе девушки от всей души жалели друг друга и не разлучались ни на одно мгновение.

В красоте Отикубо не уступала своим холеным и балованным сестрам, но на людях она не показывалась, и потому свет о ней ничего не знал.

Чем старше становилась Отикубо, чем больше входила в разум, тем сильнее страдала оттого, что жизнь к ней так немилосердна и что на долю ее выпадают одни только горести. Она жаловалась на свою судьбу в песнях, всегда таких грустных. Вот одна из них:

Каждое новое утро
Новой бедой грозит,
Новой обидой ранит.
Что мне сулит этот мир?

¹ ...*Госпожи из северных покоев*... – Старинный японский дом был строго ориентирован по частям света: главный вход с южной стороны, дальние (женские) покои – на северной. Дворец знатного человека представлял собой ансамбль строений, соединенных галереями и переходами. Пол был приподнят над землей при помощи опорных столбов. *Отикубо* – домик служебного назначения с низким полом.

² ...*пусть и зовут ее «Отикубо»*. – Девушек в знатных семьях называли или согласно порядковым номерам – первая, вторая и т. д., или же согласно зданиям, где они проживали, например: «Павильон глициний», «Яшмовый дворец». Прозвище «Отикубо» носило издевательски-уничижительный характер.

³ ...*кроме одной молоденькой служанки*. – При знатной даме находилась свита дворцовых прислужниц. Обычно должности фрейлин и камеристок исполняли женщины из небогатых дворянских семей.

В чем я найду отраду?

Девушка всегда была печальна. Ее грустный вид без слов говорил о том, как глубоко она чувствовала людскую несправедливость.

От рождения Отикубо была наделена светлым умом и многими талантами. Она могла бы хорошо играть на семиструнной цитре, но кто стал бы учить ее? Только в самом раннем детстве, лет шести-семи, она училась у своей матери играть на цитре с тринадцатью струнами⁴ и то в совершенстве овладела этим искусством.

Когда ее младшему брату Сабурó, сыну законной жены тюнагона, исполнилось десять лет, он очень полюбил игру на цитре.

– Обучи его, – приказала мачеха, и Отикубо иногда показывала мальчику, как надо играть на цитре.

От скуки в свободные часы она начала заниматься шитьем и скоро научилась отлично владеть иглой.

– Вот это похвально! – обрадовалась мачеха. – Девушки ничем не примечательной наружности должны прилежно учиться какому-нибудь мастерству.

И посадила падчерицу за шитье, не давая бедняжке ни минуты отдыха. Отикубо пришлось одной мастерить все наряды для обоих мужей своих старших сестер. Иногда она ночами глаз не смыкала. Чуть опоздает, мачеха начнет донимать попреками:

– Попросишь эту недотрогу сделать сущий пустяк, и то корчит недовольное лицо. Что же она считает подходящей для себя работой, скажите на милость?

Девушка украдкой лила слезы и вздыхала:

– О, как бы я хотела поскорее умереть!

Тем временем торжественно отпраздновали совершеннолетие третьей дочери, Саннокими, и вскоре же выдали ее замуж за одного молодого человека в чине курóдо-но сёсё⁵. А Отикубо стало еще тяжелее: пришлось шить для зятя новые наряды.

В доме не было недостатка в молодых и красивых прислужницах, но кто из них согласился бы взять на себя такой низкий труд, как работа иглой! Служанки часто издевались над Отикубо, и она, проливая слезы над шитьем, сетовала:

Напрасно путь я ищу,
Чтоб навсегда покинуть
Этот жестокий мир.
Несу я трудную ношу:
Грустную жизнь мою.

Усирóми могла поспорить с кем угодно красивой наружностью и длинными прекрасными волосами⁶, и потому ее приставили для услуг к новобрачной. Поневоле пришлось подчиниться. Грустно было Усирóми, но что могла она поделать?

– Самое мое заветное желание в жизни: никогда не разлучаться с вами. Даже когда моя родная тетушка прислала за мной, я и то отказалась покинуть вас. За что же мне судьба послала такое наказание? Почему должна я служить не вам, моей любимой госпоже, а чужой женщине?

⁴ ...на цитре с тринадцатью струнами... – Девушек из знатных семей учили игре на тринадцатиструнной цитре – кото. Иногда играли на семиструнной (кин-но кото).

⁵ Курóдо – придворные, находившиеся при особе императора для личных услуг. В этой должности они служили четыре года. Муж Саннокими носил еще и воинское звание сёсё – младший начальник императорской гвардии.

⁶ Усирóми могла поспорить... длинными прекрасными волосами... – Знатные женщины расчесывали волосы на прямой пробор и давали им свободно падать на спину и плечи. Длинные волосы считались одним из главных признаков женской красоты.

– Полно, что за разница, ведь мы по-прежнему будем жить в одном доме. Я даже рада, ведь ты ходишь в жалких отрепьях, а теперь тебе подарят новые наряды.

Усироми была полна признательности к своей юной госпоже за ее доброту и любовь. Она не в силах была видеть, как Отикубо грустит в одиночестве, и, страдая за нее душой, каждую свободную минуту прибегала к ней. И крепко же доставалось за это Усироми!

– Отикубо по-прежнему то и дело зовет к себе эту служанку! – сердилась госпожа Китаноката. Не часто случалось теперь девушкам поговорить по душам. Даже звать Усироми стали теперь по-новому. Мачеха решила, что раз она служит новой госпоже, то и прежнее имя ей не подходит, и дала ей новое – Акбги.

В свите нового зятя, мужа Саннокими, находился один меченосец⁷, очень смысленный молодой человек по имени Корэтри. Ему приглянулась Акоги. Долгое время они посылали друг другу любовные письма и, наконец, вступили в брачный союз. Супруги откровенно, без утайки, говорили обо всем между собой. Акоги часто рассказывала мужу о своей любимой госпоже, о том, какое доброе сердце у Отикубо, как она хороша собой и сколько ей приходится терпеть незаслуженных притеснений и обид от бессердечной мачехи.

Заливаясь слезами, Акоги просила:

– Ах, помоги мне устроить ее счастье! Вот было бы хорошо, если б мою барышню тайком выкрал из дому какой-нибудь достойный человек и женился бы на ней.

Акоги с меченосцем все время говорили между собой о грустной участи Отикубо и от души ее жалели, стараясь придумать способ, как помочь ей.

Мать этого меченосца была кормилицей одного знатного молодого человека по имени Митиёри. Он был сыном главного начальника Левого гвардии и сам имел звание закон-но сёсё: младшего начальника Левого гвардии. Юноша был еще не женат и потому расспрашивал всех о том, какие дочери имеются на выданье в благородных семьях.

Как-то раз меченосец завел при нем речь о горькой участи Отикубо, и этот рассказ запал юноше в сердце. Митиёри улучил минуту и, оставшись с меченосцем наедине, стал его подробно расспрашивать о ней.

– Ах, несчастная, как, верно, тяжело у нее на душе! – воскликнул он. – Ты говоришь, она происходит из высочайшего рода... Устрой мне с нею тайную встречу!

– Как же так сразу! Ведь она и в уме таких мыслей не держит. Я должен сначала сообщить ей о ваших намерениях и узнать ее ответ.

– Введи меня к ней в покои, введи непременно, ведь она живет отдельно от семьи, у самых ворот...

Меченосец рассказал обо всем Акоги.

– Но у моей госпожи сейчас ничего подобного и в помыслах нет. Я слышала, кроме того, что этот молодой человек – порядочный повеса, – стала возражать Акоги. – Как же я стану уговаривать ее довериться известному ветренику?

Но, увидев, что муж раздосадован отказом, она мало-помалу сдалась.

– Хорошо, я поговорю с моей госпожой при удобном случае.

Акоги отвели для жилья тесный закуток рядом с комнатой Отикубо. Но Акоги думала, что ей, как служанке, не подобает стелить свою постель вровень с господским ложем, и уходила спать в клетушку, пол которой был еще ниже, чем в покоях ее молодой госпожи.

Был первый день восьмого месяца года.

Отикубо лежала одна на постели. Не в силах сомкнуть глаз, она послала тихую мольбу к своей покойной матери:

– Матушка, возьми меня к себе, мне так тяжело.

⁷ Меченосец – придворный прислужник, носивший меч.

О, если у тебя осталась
Хоть капля жалости ко мне,
Вернись, возьми меня с собой.
Не оставляй меня в добычу
Печалям горестной земли.

Так искала она утешения в напрасных жалобах.

На другое утро Аоги попыталась было завести с ней разговор о любовных исканиях молодого вельможи.

– Муж мой сказал мне то-то и то-то... Что вы об этом думаете? Ведь нельзя же вам до конца ваших дней оставаться одинокой.

Девушка ничего не ответила. Аоги смутилась и не знала, как продолжать, а в это время ее позвали:

– Подай госпоже Саннокими воду для умывания!

Так и пришлось ей уйти ни с чем.

В глубине души Отикубо решила, что в жизни ей все равно нечего ждать хорошего. Несчастливая сирота, потерявшая еще в раннем детстве мать, она только и мечтала о смерти. Даже если бы она постриглась в монахини, ей все равно не удалось бы покинуть отцовский дом, где к ней так безжалостны. Нет, уж лучше умереть!

Тем временем меченосец отправился во дворец отца Митиёри.

– Ну, что слышно насчет того дела? – нетерпеливо спросил юноша.

– Я потолковал с моей женой, а она говорит: «Так сразу тут ничего не добьешься!»

Обычно если у девушки есть родители, то можно как-нибудь поторопить сватовство, но отец молодой госпожи настолько под пятой своей супруги, что навряд ли с ним столкнешься.

– Я же тебе говорил с самого начала: устрой нам тайную встречу. В такое семейство не очень-то приятно войти на правах законного зятя. Если я ее полюблю, то возьму себе в дом. А если она мне не понравится, то связь можно и прекратить под тем предлогом, что в свете пошли пересуды.

– Я узнаю ее решение и сообщу вам, – сказал меченосец.

– Ты погоди! Надо же мне посмотреть на эту девушку раньше, чем решить окончательно. Как я могу дать свое слово, не повидав ее? Ты скажи, что я, мол, человек верный, не покину ее скоро.

– Не покинете скоро? И это, по-вашему, пылкое признание в любви? – нахмурился меченосец.

– Я хотел сказать «никогда», но оговорился. – И Митиёри со смехом вручил меченосцу любовное послание: – На, возьми, передай.

Тот с неохотой принял письмо и отдал его Аоги:

– Вот послание для твоей госпожи.

– Ах, что за мерзость! Нет, уж избавь меня! Я не хочу подбивать свою барышню на разные глупости.

– А ты все-таки уговори ее написать ответ. Ничего в этом нет дурного.

Аоги отнесла письмо к Отикубо.

– Вот послание от того молодого человека, о котором я вам недавно говорила.

– Что ты делаешь? Если об этом узнает матушка, разве она меня похвалит? – ужаснулась Отикубо.

– А когда ваша мачеха сказала о вас доброе слово? Вот еще была забота с ней считаться! Отикубо ничего не ответила.

Аоги зажгла свечу и прочла письмо. В нем было только одно это стихотворение:

Едва я узнал, что живешь ты на свете,
Как сердце мое прилепилось к тебе.
О чистый ключ на горе Цукуба⁸,
Незримый для путника, скажи мне,
Где ключ к незримой моей любви?

– Какой изящный почерк! – тихонько ахнула от восторга Акоги, но, увидев, что Отикубо осталась безучастной, сложила письмо, спрятала его в ларец и вышла из комнаты.

– Ну как, прочла твоя госпожа письмо? – любопытствовал меченосец.

– Нет, и не взглянула даже. Так непрочитанным я его и спрятала.

– Не понимаю. Уж все бы лучше, чем жить так, как она сейчас живет... И нам обоим, глядишь, этот любовный союз пошел бы на пользу.

Наутро тюнагон заглянул по дороге из дому в комнатку своей дочери и увидел, что на ней самое убогое платье. Только длинные черные волосы, красиво рассыпаясь по плечам, несколько скрадывали безобразие этого наряда. Отцу стало жаль девушку.

– Как ты плохо одета! Жаль мне тебя, ты совсем заброшена, но сначала ведь надо позаботиться о законных дочерях. Если подвернется тебе случай устроить свою жизнь, пожалуйста, без церемоний поступай сама как знаешь. Бедняжка, несладко тебе живется!

Отикубо от смущения не могла выговорить ни слова...

Под впечатлением этой встречи тюнагон сказал своей жене:

– Сейчас я заглянул к Отикубо. На ней только одно убогое тонкое платье из некрашеной ткани. Нет ли у наших дочерей какого-нибудь лишнего старого платья? Нынче ночи такие холодные...

– Ах, я ей все время дарила наряды. И куда только она их подевала? Совсем не умеет беречь!

– Беда с ней! Отикубо рано лишилась материнских забот и к тому же, видно, неряшлива по натуре, – с досадой воскликнул тюнагон.

Госпожа Китаноката велела падчерице сшить парадные хакама⁹ для младшего зятя.

– Уж постарайся, шей как можно лучше. За труды я подарю тебе хорошее платье.

Восторгу девушки не было границ. Она сшила хакама быстро и так красиво, что мачеха осталась довольна и подарила ей со своего плеча старое шелковое платье на вате, украшенное тканями узорами.

Стояла осенняя пора, когда ледяной ветер пронизывает до костей и не знаешь, как укрыться от холода. Отикубо так зябла, что обрадовалась и этому жалкому подарку. Видно, бедственная жизнь уже надломилась ее гордый дух.

У младшего зятя, куродо, был горячий нрав. Он громко возмущался всем дурным, но зато и до небес превозносил все хорошее. Вот и теперь тоже он не поскупился на похвалу:

– Превосходная вещь! Отлично сшита!

Прислужницы пересказали его слова мачехе.

– Потихе, не так громко! – прикрикнула она на них. – Еще, чего доброго, Отикубо вас услышит. Она и без того зазнается. Таких надо держать поостроже. Счастье для нее, что ей приходится обслуживать другим, а то она возомнила бы о себе неизвестно что.

Женщины тихонько шептались между собой:

– Как только госпоже не совестно так безжалостно говорить о такой милой и скромной девушке!

⁸ *О чистый ключ на горе Цукуба...* – Гора Цукуба прославлена в древней японской поэзии.

⁹ *Хакама* – штаны разных фасонов, предмет мужской и женской одежды. В эпоху Хэйан имели вид широких шаровар или складчатых штанов, напоминающих юбку.

А между тем Митиёри, решившись не отступать от своего, послал Отикубо второе любовное письмо, привязав его к пучку полевого мисканта.

Уже завязали колос
В сердце моем побег любви.
О прекрасный цветок полевой!
Прошелести чуть слышно,
Голову тихо склони в ответ.

Ответа не было.

В один из дней, когда лил осенний дождь, он снова послал ей письмо:
«Я слышал, что у вас нежная душа, а между тем вы не знаете сострадания.

Просвета нет в облаках.
Сыплется дождь бесконечный...
И, словно осенний день,
Туманится от печали
Сердце, любящее тебя».

И опять никакого ответа.

Но Митиёри, упорствуя, написал снова:

Зыбкий мост облаков
Над стремниной
Небесной реки¹⁰.
Ты на том берегу.
Берегу я надежду в пути,
Что блеснет мне ответный луч.

Так он писал ей почти каждый день, а Отикубо все не отвечала. Наконец Митиёри сказал меченосцу:

– Девушка эта, видно, очень застенчива. Она никогда еще не получала любовных писем и, наверно, даже не знает, как отвечать на них. Но я слышал от тебя, что у нее доброе сердце, открытое для сострадания, так почему же она не пошлет мне хоть самый краткий ответ?

– Вот уж не знаю почему. Может, боится. Мачеха у нее – суцая ведьма. Молодая барышня живет в вечном страхе, только и думает, как бы не прогневить Госпожу из северных покоев каким-нибудь пустяком. Того и гляди, из дому выгонит.

– Я же тебе все время говорю, введи меня без дальних слов в покои к девушке, – настойчиво потребовал Митиёри, и тот не посмел ослушаться. Оставалось только найти удобный случай.

Десять дней не было вестей от влюбленного. Наконец он написал:

«Пора образумиться мне.
К чему писать понапрасну?
Твоя жестокость растет,
Как в озере Масуга
Густеет трава водяная.

¹⁰ Небесная река – Млечный Путь.

Я пытался усмирить свою любовь, но напрасно! Не в силах дальше так страдать, я снова пишу вам, хотя и сам понимаю, что нарушаю этим светские приличия...»

Меченосец сказал Аоги:

– На этот раз непременно нужно дать ответ. Уж ты как-нибудь уговори свою барышню, а то молодой господин бранит меня за недостаток усердия...

– Госпожа моя сказала, что не умеет писать любовные письма, – отговаривалась Аоги. – Ты бы видел, как она смутилась.

Она показала письмо Отикубо, но как раз в это время муж второй дочери собирался в отъезд по срочному делу. Отикубо спешно шила для него парадную одежду и опять не ответила на письмо.

Митиёри подумал, что она и в самом деле, как говорит Аоги, не умеет писать любовные письма, но он много слышал о том, какое доброе, отзывчивое сердце у Отикубо, и потому не терял надежды. Скорее ему был по душе такой скромный нрав девушки.

– Что ты тянешь! – торопил он меченосца.

Однако на господском дворе всегда толклось много народу и удобный случай все не представлялся. Митиёри изнывал от любовной тоски. Но тут стало известно, что тюнагон отправляется в храм Исияма¹¹ исполнить один свой старинный обет. Все домочадцы принялись осаждать тюнагона просьбами, чтобы он взял их с собой. Даже старух и тех постеснялись оставить дома, одну только Отикубо покинули в ее каморке.

Наканокими, вторая дочь, попробовала было вступить за сестру:

– Возьмем с собою и Отикубо. Жаль оставить ее, бедняжку, дома в одиночестве.

Но Госпожа из северных покоев и слушать не стала.

– Что за новости! Она никогда порога дома не переступала. Да и как она будет шить в дороге? Ни к чему приучать ее к ненужным развлечениям, пусть-ка лучше посидит дома взаперти.

Аоги, как служанку третьей дочери – Саннокими, собрались было красиво нарядить и взять с собой, но она пожалела оставить свою прежнюю госпожу в одиночестве и отговорила от поездки под предлогом, что у нее внезапно настало месячное очищение и в храме ей появляться нельзя.

– Вот еще выдумки! – рассердилась Китаноката. – Ты это нарочно говоришь, потому что тебе жаль оставить Отикубо.

– Ах, нет, напротив, мне очень досадно, что так случилось. Но ведь срок очищения скоро придет к концу. Если прикажете, я с радостью поеду. Кто же по доброй воле откажется от такого интересного путешествия? Старухи и то просятся... – говорила Аоги так убедительно, что Госпожа из северных покоев наконец поверила и приказала нарядить по красивее и взять вместо нее в дорогу простую девушку для черной работы, а ей позволила остаться.

В доме начались шумные сборы, поднялась дорожная суматоха, но наконец все уехали, и Аоги в наступившей тишине начала сердечную беседу со своей юной госпожой, чтобы развеять ее грусть. В это время принесли записку от меченосца:

«Я слышал, что ты не поехала в храм вместе с другими. Если это правда, я сейчас же приду».

Аоги написала ему в ответ:

«Госпоже моей нездоровилось, и она осталась дома. Могла ли я покинуть ее? Нам очень скучно. Приходи навестить нас и принеси с собой те картины, которые ты однажды пообещал нам показать».

¹¹ Храм Исияма – буддийский храм, который находился в провинции Оми. Популярное место для паломничества. Празднество в храме носило не только религиозный, но и увеселительный характер.

А надо сказать, что у младшей сестры Митиёри, носившей высокое звание младшей императрицы, было много свитков с красивыми картинами. Меченосец как-то говорил Акоги, что если молодой господин начнет посещать Отикубо, то он непременно покажет им эти свитки.

Меченосец показал Митиёри записку, полученную им от Акоги.

– Так это рука твоей жены, Корэнари? Очень красиво пишет. Вот случай, которого мы ждали. Ступай туда, все устрой.

– Дайте мне на время один свиток с картинами.

– Нет, я сам покажу ей, как ты мне раньше советовал. Когда буду у нее...

– Кажется, сейчас и в самом деле подвернулся удобный случай, – согласился меченосец. Митиёри, смеясь, прошел в свои покои и нарисовал на белой бумаге недовольную физиономию мужчины: палец во рту, губы наморщены. Внизу он написал:

«Вы хотели полюбоваться на картины, извольте, посылаю вам одну.

Сжаты печально уста.
Устало глаза глядят.
Может ли быть иначе?
Мало в жизни утех
У тех, к кому так жестоки.

Впрочем, это письмо – ребячество с моей стороны».

Собираясь отнести послание господина, меченосец сказал своей матери, которая некогда была кормилицей Митиёри:

– Приготовь каких-нибудь вкусных лакомств и уложи их в корзинку. Я скоро за ними пришло.

Он отправился к дому тюнагона и вызвал Акоги.

– А где же картины? – полюбопытствовала она.

– Вот здесь. Отдай-ка это письмо барышне, тогда все узнаете.

– Опять какой-нибудь обман, – нахмурилась Акоги, но все же отнесла письмо своей юной госпоже.

Отикубо томилась от скуки и потому пробежала его взглядом.

– Что такое? Ты просила свитки с картинами? – воскликнула она.

– Да, я писала о них меченосцу, а господин сакон-но сёсё, верно, видел мое письмо.

– О, как это неприятно! У меня такое чувство, будто заглянули в самую глубь моего сердца. Для такой затворницы, как я, лучше оставаться безучастной ко всему на свете, – сказала Отикубо с недовольным видом.

Меченосец позвал Акоги, и она вышла к нему.

– А кто остался сторожить дом? – спросил он будто невзначай. – Как у вас стало пусто и уныло! Я сейчас пошлю к своей старушке за лакомством. – И он отправил нарочного к своей матери с наказом прислать все вкусное, что только найдется в доме.

Та уложила разные лакомства как можно красивее в две корзинки. Большую из них она наполнила до краев всевозможным рисовым печеньем, белым и красным вперемежку, не забыла даже положить сверток с поджаренными зернами риса. И послала сопроводительное письмо:

«Такие кушанья едят неохотно даже в бедных домах. Боюсь, что особам, живущим во дворце, они придутся не по вкусу. Этот жареный рис прошу передать девочке для услуг, как бишь ее по имени, кажется, Цюю».

Зная, как грустно живет покинутой всеми Отикубо, старуха всячески старалась показать, что рада услужить ей хоть малостью.

Увидев корзинки с лакомствами, Аоги воскликнула:

– Это странно. По какому случаю и жареный рис, и сладости? Что ты затеял?

Меченосец засмеялся:

– Знать ничего не знаю. Зачем бы я стал дарить такие пустяки? Это моя старуха додумалась своим разумом. Эй, Цую! Возьми убери это куда-нибудь.

И Аоги с меченосцем стали, как всегда, толковать о своих господах. Решили, что молодой господин вряд ли пожалует в такую дождливую ночь, и спокойно легли спать.

Отикубо тоже прилегла и одна в ночной тишине стала перебирать струны своей цитры. Полилась прекрасная, полная задушевной грусти мелодия.

Меченосец заслушался.

– Как чудесно она играет!

– Правда, хорошо? А ведь покойная госпожа учила ее музыке очень недолго, когда девочке было всего лет шесть...

Пока они так мирно беседовали между собой, Митиёри украдкой приблизился к дому. Он послал одного из слуг сказать меченосцу:

– Выйди ко мне немедленно для важного разговора.

Тот сразу все понял и в замешательстве отозвался:

– Слушаюсь, сейчас иду! – и торопливо вышел.

Аоги тем временем пошла к своей госпоже.

– Ну, что же? – спросил Митиёри. – Я приехал в такой проливной дождь, неужели мне возвращаться ни с чем?

– Вы так внезапно пожаловали, даже не предупредили меня заранее. Как же так вдруг! – упрекнул его меченосец. – А ведь еще неизвестно, что скажет молодая госпожа. Вряд ли что-нибудь выйдет сегодня.

– Не строй такой постной рожи! – И Митиёри наотмашь ударил меченосца.

Тот кисло улыбнулся.

– Что с вами подделаешь! Извольте выйти из экипажа.

И он показал Митиёри дорогу в дом.

Слугам было приказано прислать экипаж утром пораньше, пока еще будет темно.

Меченосец остановился возле двери в свою комнату и стал тихим голосом давать юноше советы, что дальше делать. В такую позднюю пору можно было не опасаться внезапных гостей.

– Я сначала погляжу на нее хоть в щелку, – сказал Митиёри.

Меченосец схватил его за рукав.

– Пойдите! Вдруг она покажется вам не такой красивой, как вы ожидали? Что тогда? Как в романах пишут, любезник взглянул на нее, а она – безобразная уродина...

– Ну, тогда я вместо шляпы прикрою голову рукавом и убегу, – засмеялся Митиёри.

Меченосец спрятал его возле решетчатого окна¹², а сам решил караулить снаружи, опасаясь, как бы слуги, оставленные сторожить дом, не заметили незваного гостя.

Митиёри заглянул внутрь. Тесная каморка была еле освещена тусклым огоньком светильника, зато ни церемониальный занавес¹³, ни ширмы не мешали взору, все было хорошо видно.

Лицом к нему сидела какая-то миловидная женщина с длинными прекрасными волосами, должно быть, Аоги. Поверх тонкого белого платья на ней было надето второе – из блестящего алого шелка.

¹² ...возле решетчатого окна... – Двустворчатые решетчатые перегородки (ситоми) отгораживали внутренние покои от веранды. Верхняя створка могла подниматься.

¹³ ...церемониальный занавес (китё) – загораживал знатных дам от постороннего взгляда. Состоял из нескольких полотнищ, подвешенных к горизонтальной перекладине, которая была прикреплена к стоячей подставке. Мог свободно передвигаться по полу.

Перед ней, опираясь на локоть, полулежала на постели совсем юная девушка. Наверно, она! Белое платье облегло ее тонкий стан свободными легкими складками, ноги были прикрыты теплой одеждой из красного шелка на вате... Она глядела в другую сторону, лица почти не было видно. Головка у нее была прелестной формы, волосы удивительно красиво падали на плечи, но не успел он налюбоваться, как огонь вдруг погас.

«Какая досада!» – подумал Митиёри, и в душе его вспыхнула решимость добиться победы во что бы то ни стало.

– Ах, какая темнота! Ты говорила, что к тебе пришел твой муж. Иди к нему скорей!

Голос девушки, такой нежный, красивый, пленял слух...

– К мужу пришел гость, а я пока побуду с вами. Дома почти никого не осталось, должно быть, вам страшно одной, – ответила прислужница.

– Мне часто бывает страшно. Я уж привыкла.

Когда Митиёри вышел из своего тайника, меченосец начал его поддразнивать:

– Ну, что скажете? Проводить вас домой? А где же ваша шляпа? Изволили забыть ее с перепугу?

– О! Ты человек пристрастный, ведь ты без памяти влюблен в свою жену, – усмехнулся в ответ Митиёри. А сам в это время думал: «Какое старое, изношенное платье у бедняжки! Ей будет совестно передо мной...» – Позови свою жену поскорей и ложись-ка спать, – нетерпеливо приказал он.

Меченосец пошел к себе в спальню и позвал Акого.

– О нет, эту ночь я проведу возле госпожи. А ты ложись поскорее спать или в нашем закутке, или где сам знаешь, – начала было отнекиваться Акого.

– Я только хочу передать тебе то, о чем рассказал мне мой гость. Это очень важное дело. Выйди ко мне хоть на минутку, – попросил он снова через служанку Цую.

Наконец Акого отодвинула в сторону дверь и крикнула в сердцах:

– Ну, в чем дело? Что ты здесь буянишь?

Меченосец обнял ее:

– Гость сказал мне: «Не спи один в такую дождливую ночь». Идем со мной!

Акого засмеялась:

– Послушайте его! Вот нашел важное дело!

Но меченосец насильно заставил ее лечь с ним рядом и, не говоря ни слова, прикинулся спящим.

Сон не шел к Отикубо. Полулежа на своей постели, она стала перебирать струны цитры и тихо запела:

Когда весь мир земной
Мне кажется печальным,
Хочу среди горных скал
Убежище найти,
Навеки от людей укрыться.

Митиёри устал ждать и, подумав, что сейчас настала удобная минута – поблизости никого нет, – ловко при помощи кусочка дерева приподнял верхнюю створку решетчатого окна и пробрался в комнату.

Отикубо в испуге хотела было бежать, но он крепко сжал ее в объятиях.

Акого, спавшая вместе с меченосцем в соседней комнате, услышала, как стукнуло окно. «Что там такое!» – в испуге подумала она и попыталась было вскочить с постели, но меченосец силой удержал ее.

– Пусти меня! Там створка окна стукнула. Пойду посмотреть, что случилось.

– А, пустое! Это собака. Или крыса. Нечего бояться. С чего ты так всполошилась? – уговаривал он жену.

– Нет, что-то неладно. Уж, наверно, ты подстроил что-нибудь. Оттого меня и не пускаешь.

– С чего бы это я стал строить козни! Успокойся, ляг! – Крепко обняв жену, он заставил ее лечь снова.

В страхе за свою госпожу Акоги горько плакала и сердилась, но вырваться так и не смогла.

– Ах, несчастье! Ах ты, бессердечный!

Между тем Митиёри, держа девушку в объятиях, распустил на ней пояс и лег рядом с ней на ложе. Вне себя от ужаса и отчаяния Отикубо заливалась слезами, дрожа всем телом.

– Вы так грустны! Мир кажется вам обителью печали. Вы хотите скрыться в глубине гор, где вас не настигнут вести о земных горестях, – попытался заговорить с ней Митиёри.

«Кто это так говорит со мной? – подумала Отикубо. – Ах, наверно, тот знатный юноша!»

И вдруг она вспомнила, что на ней старое платье и заношенные хакама! Девушке захотелось тут же умереть на месте со стыда, и она зарыдала. Вид ее печали невыразимо трогал сердце. Митиёри в душевном смятении не находил слов утешить ее.

Акоги была рядом, за стеною, и до нее донесся звук приглушенных рыданий госпожи. «Так и есть!» – подумала она и в тревоге хотела было бежать на помощь, но меченосец снова не пустил ее.

– Что же это! Погубил мою госпожу, а меня держишь силой! О, недаром мне почудилось что-то неладное, жестокий ты, низкий человек! – Акоги, не помня себя от гнева, вырывалась из рук меченосца.

А тот лишь посмеивался:

– Знать ничего не знаю, зачем зря меня винить! Вор не мог сейчас забраться в опочивальню твоей госпожи. Значит, там любовник. Какой толк бежать туда сейчас, подумай сама.

– Нечего прикидываться, будто ты здесь ни при чем, – рыдала Акоги. – Говори сейчас, кто этот мужчина? Ах, ужасное дело! Бедная моя барышня!

– Что за ребячество! – потешался меченосец.

Акоги еще сильнее рассердилась на него.

– И я доверилась такому бессердечному человеку! – воскликнула она с горечью.

Меченосцу стало жаль ее.

– По правде говоря, молодой господин пожаловал сюда, чтобы побеседовать с твоей госпожой. Что здесь дурного? Зачем так шуметь? Видно, их союз был заключен еще в прежней жизни¹⁴. Против судьбы не поспоришь.

– Ты мне и словом не обмолвился, а госпожа моя подумает, что я с тобой в сговоре, вот что мне горько! Ах, зачем только я покинула ее нынче ночью! – сетовала Акоги, негодуя на мужа.

– Не тревожься, она поймет, что ты ни о чем не знала. За что ты так сердисься на меня? – И, не давая ей времени опять разразиться упреками, меченосец снова заключил жену в объятия.

Митиёри тихо говорил девушке:

– Отчего вы так бесчувственны к моей любви? Пусть я человек ничтожный, но все же, мне кажется, вам незачем приходить в такое отчаяние. Сколько раз посылал я вам письма, а вы ни разу не удостоили меня ответом! Я решил было не утруждать вас больше, раз я так вам противен. Но не знаю сам почему, с тех пор как я начал писать вам, вы мне сделались очень дороги. Ах, должно быть, ваша ненависть ко мне predeterminedена еще в прошлой жизни, и потому я не питаю чувства горечи за то, что вы ко мне так жестоки.

¹⁴ ...их союз был заключен еще в прежней жизни. – Согласно буддийским верованиям душа проходит через ряд земных воплощений, возрождаясь в человеческом образе или в образе животного, растения и т. д.

Отикубо казалось, что она умрет со стыда. На ней было только одно тонкое платье и хакама, изношенные до того, что местами сквозило нагое тело. Не описать словами, как ей было тяжело. По ее лицу струился холодный пот, еще более обильный, чем слезы. Заметив, в каком она состоянии, Митиёри проникся к ней жалостью и нежностью. Он начал всячески успокаивать ее и утешать, но Отикубо не в силах была вымолвить ни слова.

Сгорая от стыда, девушка в душе винила во всем Аоги.

Наконец кончилась эта грустная ночь. Раздался крик петуха.

Митиёри воскликнул в тоске расставанья:

Всю ночь до рассвета
Ты только слезы лила...
Я полон печали,
И все ж ненавистен мне
Крик петуха поутру.

– Молю, отвечайте мне хоть иногда, а то я подумаю, что вы совсем дикарка, не знающая света.

И вдруг Отикубо невольно, словно в полужабытьи, прошептала:

Ты полон печали...
В устах моих замер ответ.
И вторит рыданью
Крик петуха поутру.
Утру я не скоро слезы.

Голос ее ласкал слух. До тех пор Митиёри был влюблен не слишком глубоко, но с этого мгновения полюбил по-настоящему.

– Экипаж прибыл! – донеслось с улицы.

– Пойди доложи! – велел меченосец жене.

– Нынче ночью я прикинулась, будто ничего не слышу, значит, если я прибегу к ней так рано, она поймет, что я все знала. Подлый ты человек! Из-за тебя моя дорогая госпожа меня возненавидит.

В своей ребяческой досаде Аоги казалась ему еще милее прежнего.

– Ну что ж! Если госпожа твоя тебя возненавидит, то я еще крепче буду любить, – пошутит меченосец и, подойдя к окну комнаты Отикубо, подал условный знак, кашлянув два-три раза.

Митиёри быстро вскочил с постели и стал помогать Отикубо переодеться в дневную одежду. Увидев, что девушка стынет от холода, потому что у нее нет даже тонкого платья хитоэ¹⁵, он снял с себя свое и накинул ей на плечи. Отикубо до крайности смутилась.

Аоги между тем была в большом затруднении. Она не посмела дольше без всякого явного повода оставаться у себя в комнате и явилась к своей госпоже. Отикубо лежала на постели. Пока Аоги раздумывала, с чего бы начать разговор, прибыли два письма – и от ее мужа, и от Митиёри.

В письме меченосца говорилось:

«Несправедливо нападать на меня с такими жестокими упреками за то, что совершилось прошлой ночью без моего ведома. Вперед я не буду сопровождать молодого господина, если твоей госпоже будет грозить малейшее неуважение. Испуганная тем, что произошло вчера, ты

¹⁵ Хитоэ – одежда без подкладки, которую носили мужчины и женщины.

боишься, как бы не случилось в будущем чего-нибудь еще худшего, и, верно, клянешь меня, думая: “Какой негодяй! Он мог обидеть даже мою кроткую госпожу!” Из-за этого мне стала несносной самая мысль о любовном союзе между нашими господами. Но как быть? Молодой господин шлет письмо. Надо дать на него ответ. Так уж в свете водится. А ты со своей стороны напиши мне обо всем, что тебя тревожит».

Акоги подала Отикубо любовное послание от Митиёри:

– Вот письмо к вашей милости. Странное дело, вчера я вдруг уснула крепким сном и не заметила, как наступило утро... Впрочем, вы, верно, думаете, что я ищу оправданий.

Акоги пыталась угадать, что на сердце у ее юной госпожи.

– Если б только я знала, разве я стала бы молчать! – всячески клялась она в своей невинности, но ответа не было. Отикубо продолжала лежать неподвижно.

– Так вы все-таки думаете, что я знала! Какая жестокость! Я много лет служила вам верой и правдой. Неужели я решилась бы на такое бесчестное дело! Вас покинули одну дома, я пожалела вас, отказавшись от чудесной поездки, и вот награда! Вы даже не хотите слушать никаких оправданий. Если ваше сердце ничем нельзя тронуть, то как могу я служить вам? Уйду куда глаза глядят! – плакала Акоги.

Отикубо стало жаль ее.

– О нет, я не думаю, что ты об этом знала заранее. Все случилось так неожиданно, так внезапно! Но как ни велико мое отчаяние, к нему еще примешивается стыд, ведь он видел меня в таком жалком тряпье. Если б жива была моя матушка, разве могло бы со мной случиться такое несчастье? – говорила Отикубо, роняя слезы.

– Это сущая правда. У вас презлая мачеха. Наверно, господин сакон-но сёсё услышал о том, как она бессердечна, и проникся сожалением к вашей участи. Понимаю, каково у вас сейчас на душе. Но все же если только чувство молодого господина к вам останется неизменным, то радоваться надо тому, что случилось, а не плакать.

– Ах, на что я могу надеяться! Он видел меня в лохмотьях... Кто может полюбить такое пугало! А что скажет моя строгая мачеха, когда слухи дойдут до ее ушей? «Если она взяла себе мужа и собирается без моего ведома шить на чужую семью, – скажет мачеха, – то нечего ей оставаться в моем доме».

Увидев, в каком страхе находится Отикубо, Акоги стала ее успокаивать:

– Ну и пусть, вот еще беда! Что же, вам весь свой век, что ли, здесь мучиться! Да это счастье, если она вас выгонит! До каких пор можно терпеть! Разве не пугает вас мысль о том, что вам придется все время шить на ее зятьев?

Между тем посланец попросил дать ответ на письмо.

– Скорее прочтем это послание. Ведь слезами теперь горю не поможешь.

Акоги раскрыла письмо и показала его своей госпоже. Она пробежала его глазами, не подымая головы.

Кто скажет, отчего
Люблю тебя сегодня по-иному?
Влюбленность прежних дней
Теперь ничто, поверь,
Пред этой новой любовью.

В письме было лишь это стихотворение, и больше ничего. Отикубо не стала отвечать, сославшись на нездоровье.

Акоги написала меченосцу:

«Не по сердцу мне твои поступки. Что все это означает? Вчерашнее твое поведение отвратительно, подло, чудовищно! Ты обнаружил такую бездну душевной низости, что я не

смогу доверять тебе в будущем. Госпожа моя так жестоко страдает, что до сих пор не может подняться с постели. Письмо молодого господина осталось непрочитанным. Мне так жаль мою госпожу! Душа надрывается глядеть на нее!»

Меченосец поспешил рассказать обо всем Митиёри. Тот не поверил, что он настолько противен девушке, а подумал, что она стыдится своего нищенского наряда, пожалел ее и еще больше затосковал по ней.

В тот же день он написал ей другое письмо:

«Отчего бы это? Вы по-прежнему суровы ко мне, а между тем моя нежность к вам все растет.

Все пламенной люблю,
А ты сказала ль “да”?
Льда сердца твоего
Не в силах растопить
Любовный пламень мой».
В письме меченосца говорилось:

«Будет очень плохо, если барышня твоя и на этот раз не даст ответа. Надо постараться, чтоб они полюбили друг друга всей душой. Чувство молодого господина, как я вижу, долговечное. Он и сам так говорит».

Акоги стала упрашивать свою госпожу на этот раз непременно ответить на письмо. Но при мысли о том, какое впечатление должен был произвести ее жалкий вид на Митиёри, Отикубо не помнила себя от стыда и отчаяния и никак не могла собраться с духом написать ответ. Она лежала на постели, накрывшись с головой одеялом.

Устав уговаривать ее, Акоги написала мужу:

«Госпожа моя прочла письмо, но так страдает, что не в силах отвечать. Ты пишешь, что любовь молодого господина прочна и долговечна. Как можно об этом судить? Ведь не прошло и дня со времени их первой встречи... Если господин сакон-но сёсё рассердится на то, что ответа опять не было, постарайся как-нибудь смягчить его досаду».

Меченосец показал Митиёри письмо своей жены.

– О, жена у тебя умница, умеет кстати сказать слово, – улыбнулся Митиёри. – А *химэ-гими*¹⁶, должно быть, почувствовала легкую дурноту от избытка застенчивости и смущения...

Между тем Акоги была одна, посоветоваться ей было не с кем. Сердце у нее разрывалось на тысячу частей от тревоги. Ей не сиделось на месте. Она принялась смахивать пыль, но прибрать по красивее комнатку Отикубо никак не удавалось: не было ни ширм, ни занавеса. Отикубо все лежала неподвижно. Акоги хотела было поднять ее, чтобы привести в порядок постель. Лицо девушки опухло от слез, глаза покраснели до того, что она стала сама на себя не похожа. Акоги, пожалев ее, заботливо сказала ей тоном старшей:

– Причешите волосы.

Но Отикубо только проронила в ответ:

– Мне совсем худо, – и даже не подняла головы.

У Отикубо было несколько ценных вещей, доставшихся ей по наследству от покойной матери, и среди них очень красивое зеркало.

«Хорошо, что хоть зеркало есть!» – подумала Акоги и, обтерев его, положила у изголовья Отикубо. Акоги хлопотала, выполняя одна за двоих работу и камеристки, и простой служанки. «Сегодня он придет непременно», – думала она с тревогой.

¹⁶ *Химэгимми* – так почтительно называли девушек из благородного семейства.

– Простите за смелость, но эти хакама еще совсем новые... Как досадно! Первая встреча, и вдруг он увидел вас в таком жалком уборе...

На Акоги были нарядные хакама, которые она надела всего раз-другой во время ночного дежурства в господских покоях. Она решила тайком от всех подарить их Отикубо.

– С моей стороны это, конечно, большая дерзость... Но ведь никто не узнает. Пожалуй-ста, не отказывайтесь.

Отикубо стыдилась принять подарок, но в то же время ей слишком горько было думать, что и нынешней ночью она предстанет перед своим возлюбленным в таком жалком виде, и она, поблагодарив, нехотя надела их.

– На празднике по случаю совершеннолетия вашей сестры Саннокими мне подарили две-три палочки для возжигания ароматов. Сейчас они нам пригодятся.

Акоги зажгла палочки и окурила ароматом платье Отикубо.

«Необходим широкий занавес, чтобы загородить постель, – думала она. – Как быть, ума не приложу. Может, взять в долг на время у кого-нибудь? Ночная одежда у нее совсем плохая, тонкая... У кого бы попросить красивую одежду?..»

У Акоги голова пошла кругом от забот. Она решила срочно послать письмо своей тетке, муж которой раньше служил в императорском дворце, а теперь был назначен правителем провинции Идзуми.

«Прошу вас не отказать мне в неотложной просьбе. Одна важная особа должна провести ночь в нашем доме, потому что дорога грозит ей бедой¹⁷. Нужен занавес. А ночная одежда моей госпожи мне кажется совсем не подходящей для такой важной гостьи. Нет ли у вас хорошей? Пожалуйста, одолжите на время. Я бы не стала тревожить вас по пустякам...» – торопливо писала Акоги.

Тетка ответила ей:

«Я так была огорчена твоим долгим молчанием, что очень рада этому случаю. Напишу тебе обо всем после, а теперь о деле. Ночная одежда у меня самая грубая, но ведь я сшила ее для себя самой. У вас в доме, наверное, много таких. Посылаю и занавес».

Теплая одежда на вате была двухцветной: верх светло-пурпурный, а подкладка синяя. Радости Акоги не было конца. Она с торжеством показала новый наряд своей госпоже. Но как раз когда Акоги поспешно развязывала шнуры занавеса, появился Митиёри, и она провела его к своей госпоже. Отикубо все еще лежала на постели. При виде гостя она из вежливости хотела было встать.

– Зачем вы встаете, вам ведь нездоровится! – ласково сказал ей Митиёри.

Одежды девушки благоухали. На ней были и красивое хитоэ и нарядные хакама. Чувствуя, что сейчас она одета не хуже других, Отикубо не испытывала прежнего жгучего стыда, и Митиёри тоже почувствовал себя спокойнее. В эту ночь Отикубо иногда решалась проронить несколько слов в ответ своему возлюбленному. Наступил рассвет, прервав любовные речи юноши.

Доложили, что прибыл экипаж.

– Что это, как будто дождь! Подождите немного, – отозвался он, не поднимаясь с ложа.

Надо было молодым господам подать воды для умывания и завтрак. Акоги отправилась на кухню. Вообще в отсутствие господ в доме ничего не готовили, но она попробовала выпросить что-нибудь у стряпухи.

– Прощлым вечером к моему мужу зашел один приятель, чтобы потолковать о делах, но из-за проливного дождя ему пришлось заночевать. Хотелось бы угостить его завтраком, да, на

¹⁷ ...дорога грозит ей бедой. – Перед поездкой узнавали при помощи гадания, не заграждает ли путь одно из грозных божеств неба, чтимых в древней магии. Суеверие этого рода создавало иногда большие затруднения при путешествии. Беду пытались предотвратить разными способами: например, останавливались ночевать в чужом доме.

беду, у меня ничего нет. Извини, пожалуйста, за просьбу, но не дашь ли ты мне немного вина? И не осталось ли у тебя немного сушеных водорослей на закуску? Дай хоть чуточку.

– Ах, от души жалею тебя. Досадно, конечно, если нечем угостить знакомого человека. У меня, пожалуй, найдутся кой-какие лакомства. Я берегла их к приезду хозяев.

– О, когда господа пожалуют, то, верно, сразу же будет устроено славное угощение в честь их приезда. На это ты первая мастерица!

Акоги заметила, что стряпуха пришла в хорошее расположение духа, и без дальних церемоний наполнила вином стоявший поблизости кувшинчик.

– Оставь, пожалуйста, хоть немного на доньшке.

– Хорошо, хорошо! – отозвалась Акоги и, завернув в бумагу немного сушеных водорослей и рисовых зерен, положила сверток в корзинку для угля и понесла в свою комнату. Позвав служаночку Цую, она приказала ей: – Приготовь-ка завтрак, да смотри, повкуснее, – а сама отправилась искать красивый поднос.

Но первым делом она стала думать, где можно найти тазик для умывания. «У моей госпожи, конечно, такого не найдется. Возьму-ка я на время тазик Саннокими и подам в нем воду», – сказала она самой себе и распустила по плечам свои скрученные в узел волосы, чтобы предстать перед господами в подобающем виде.

Отикубо лежала на постели, истомленная душевной мукой. Появилась Акоги в красивой одежде, наряженная самым парадным образом, поясок повязан с изящной непринужденностью... Сзади со спины было видно, что ее длинные черные волосы стелются за ней по полу. Меченосец проводил свою жену влюбленным взглядом.

По дороге в покои Отикубо Акоги сказала как бы про себя:

– Оставить, что ли, оконные решетки закрытыми?

Митиёри услышал, и ему захотелось посмотреть на свою возлюбленную при ярком свете.

– Госпожа приказала открыть окно. Здесь очень темно, – сказал он.

Акоги подставила себе под ноги какой-то случайно стоявший на веранде ящик и подняла решетчатую раму.

Митиёри встал с ложа, оделся и спросил:

– Что, экипаж мой прибыл?

– Стоит перед воротами.

Он уже собрался уходить, как вдруг Акоги подала на подносе изысканный завтрак. Не был забыт и тазик с водой для умывания.

«Что за чудо!» – удивился Митиёри, так много слышавший о том, в какой нищете живет девушка. Он никак не мог взять в толк, откуда что взялось.

По счастью, начал накрапывать небольшой дождь. Кругом было безлюдно и тихо. Собираясь уходить, Митиёри бросил быстрый взгляд на свою возлюбленную. В ярком утреннем свете она показалась ему невыразимо прекрасной и еще желанней прежнего. Когда Митиёри ушел, Отикубо немного отведала от поданных на завтрак лакомств и потом снова легла.

Близилась третья свадебная ночь, когда полагается угостить молодых особыми лакомствами. Что было делать?

«Он непременно пожалует», – думала в тревоге Акоги, но посоветоваться ей было не с кем, и она снова написала своей тетке в Идзуми:

«Я от всей души благодарю вас за то, что вы прислали мне все, о чем я просила. Боюсь надоесть вам своими просьбами, но случилось так, что нынешним вечером мне непременно надо подать гостям рисовое печенье – моти¹⁸. Пожалуйста, пришлите вместе с ним еще

¹⁸ *Моти* (свадебное угощение) – готовилось из отбитого в ступке вареного риса. Согласно древнему свадебному ритуалу новобрачным на третью ночь подавались особые моти в честь божественной четы Идзанаги и Идзанами.

немного каких-нибудь сладостей. Я думала, что гостя пробудет у нас всего день-другой, но ей придется сорок пять дней ожидать, чтобы можно было продолжать дорогу со счастливым предзнаменованием. Позвольте мне оставить у себя ненадолго присланные вами вещи. Кстати, не найдется ли у вас красивого тазика для умывания? Простите, что я докучаю вам множеством просьб, но вы, тетушка, всегда были для меня главной опорой в жизни...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.